

Список источников:

1. Богдан, Н. И. Инновации и человеческие ресурсы для развития цифровой экономики / Н. И. Богдан // Белорус. экон. журнал. – 2018. – № 3. – С. 110–123.
2. Богдан, Н. И. Инновационная политика / Н. И. Богдан. – Минск : Четыре четверти, 2019. – 308 с.
3. Введение в цифровую экономику [Электронный ресурс] / под общ. ред. А. В. Кешелава. – М.: ВНИИГеоСИСТЕМ, 2017. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/07/vvedenie-v-cifrovuyu-ekonomiku-na-poroge-cifrovogo-budushhego.pdf>. – Дата доступа: 11.12.2020.

<http://edoc.bseu.by/>

*А.А. Макаров, студент
andrei-267@mail.ru
ТвГУ (Тверь, Россия)*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ

Кризис национальной идентичности россиян, вызванный распадом Советского Союза, усилившийся процесс глобализации, курс властей на федерализацию и демократизацию страны способствовали тому, что российское общество стало все активнее обращаться к альтернативным видам идентичности. В частности, в условиях проводимой центром политики регионализации большое значение приобрела региональная идентичность [11], которая, по мнению ряда исследователей, призвана сыграть важную роль в отношениях центра и регионов [3; 13; 17].

Говоря о региональной идентичности, необходимо отметить отсутствие четкого определения данного феномена, что обуславливается наличием различных подходов к рассмотрению природы этого явления. В рамках современной политической науки, прежде всего, выделяются эссенциалистский и конструктивистский взгляд на региональную идентичность [12].

Сторонники эссенциалистского подхода считают, что региональная идентичность является объективным явлением, становление которого происходит под влиянием языковых, территориальных, культурных, исторических и этнических факторов, при этом особенно подчеркивается неуправляемый характер ее формирования в сознании граждан [2; 18; 15].

Исследователи, придерживающиеся конструктивистского взгляда на данную проблему, напротив, говорят о субъективной сущности данного феномена. Согласно их точки зрения, региональная идентичность выступает продуктом социальных отношений, деятельности территориальных сообществ и элит, иначе говоря, региональная идентичность предстает как конструируемое явление, которым можно управлять и которое может выбираться индивидом [1; 2].

Приведем определения региональной идентичности, предлагаемые современными учеными. Согласно Е. В. Ереминой, «региональная идентичность – это, прежде всего, переживаемые и осознаваемые людьми ценности определенной системы локальной общности, которые, в свою очередь, формируют чувство территориальной принадлежности индивида и группы» [3, с. 280]. По мнению В. В. Черниковой «региональную идентичность можно представить как отождествление жителями себя с некоторой местностью, пространством, сложившимися на ней традициями и жизненным укладом» [19, с. 101]. Российский исследователь М. П. Крылов дает следующее определение данному явлению: «региональная идентичность – это системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина» [6, с. 13].

Важное место в исследовательской среде занимает не только проблема определения феномена региональной идентичности, но и вопрос ее формирования. Ключевым условием становления региональной идентичности, по мнению ученых, является наличие определенной территории или пространства. При этом, как отмечает Н. Ю. Замятина, «речь идет о территории как о своего рода овеществляющей (репрезентирующей, воплощающей) субстанции для разного рода социальных конструкций» [4, с. 151].

На становление региональной идентичности особенно влияет наличие образа «чужого», образа, которому сообщество или индивид себя противопоставляет и по отношению к которому выстраивает определенное отношение, будь то конкуренция, вражда или подчинение. При этом для региональной идентичности характерно присутствие данного образа на различных уровнях, то есть региональное сообщество может противопоставлять себя другим регионам, федеральному центру, государству и так далее [4; 5; 10].

С распадом Советского Союза одной из ключевых задач, поставленных правительством (наряду с общей демократизацией, формированием свободных рыночных отношений и институтов гражданского общества) стало построение федеративных отношений внутри страны, переход к равноправному взаимодействию центра и субъектов. В связи с этим появилась необходимость конструирования особой политической культуры, которая соответствовала бы государственному устройству и способствовала бы развитию федерализма. В этом плане особую роль могла бы сыграть региональная идентичность [14].

Федеративные отношения в России имели несколько стадий своего развития. Период 90-х гг. характеризуется исследователями как этап децентрализации [14]. На данной стадии происходило отдаление регионов от центра, утверждение региональных законодательных актов, кроме того, этот период характеризуется становлением политических режимов внутри регионов, требованием политическими элитами большей автономии для субъектов страны. Региональные элиты на данном этапе активно занимались конструированием региональной политической идентичности, прибегая к использованию политических мифов. В ряде случаев имело место проявление сепаратизма [8].

С начала 2000-х гг. власть выбирает другую модель выстраивания отношений с регионами. Происходит усиление центра, регионы теряют свои

полномочия в финансовой и законодательной областях, осуществляется создание «вертикали» исполнительной и законодательной власти, что, в конечном счете, приводит к становлению в России гибридной модели федерализма («квазифедерализма») [16].

Главная роль в политическом процессе в современной России по-прежнему остается за центром, регионы не воспринимаются как равноправные субъекты политики, от них не исходит импульс, побуждающий власть к проведению политики децентрализации. В подобной ситуации региональные управляющие не только не ставят перед собой задачи по поддержанию единства регионального сообщества, стимулированию деятельности населения и формированию доверительного отношения к институтам власти, но и не осознают их [9]. Иначе говоря, региональная власть не участвует в процессе конструирования региональной идентичности. Как итог, «локальные сообщества оказываются под угрозой разрушения со стороны централизованных формализованных институтов» [10, с. 129].

Наибольшего успеха в формировании региональной идентичности, по мнению исследователей, удалось добиться лишь в национальных субъектах России, что обусловлено сильным влиянием этнического фактора. Кроме того, попытки конструирования региональной идентичности успешны в экономически развитых субъектах. В обоих случаях важнейшую роль играет возможность использования символических ресурсов, политических мифов, стереотипов. К этому стоит добавить, что своеобразной чертой российского федерализма является различный уровень автономности субъектов, что также сказывается на возможности конструирования региональной идентичности [7; 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках политики федерализации в России формирование региональной идентичности не приобрело массовый характер в регионах. Напротив, региональная идентичность в силу внутренних и внешних причин характеризуется нестабильностью, зачастую уступая место национальной или же этнической идентичности. Об этом, в частности, свидетельствует то, что наибольшее распространение данный феномен получил лишь в субъектах, где доминируют представители нерусского этноса.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, подобное состояние носит отрицательный характер в контексте построения федеративных отношений, так как в рамках данного государственного устройства стабильность и развитие страны возможны лишь с опорой на региональные сообщества, обладающие устойчивой региональной идентичностью. Только при учете данного аспекта возможна выработка грамотных политических решений, способствующих гармоничным отношениям центра и региона, результатом которых станет не только благополучие субъектов, но и государства в целом.

Список источников:

1. Гельман, В. Политические элиты и стратегии региональной идентичности / В. Гельман // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI, № 2. – С. 91–105.
2. Головнева, Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Головнев // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 42–50.
3. Еремина, Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России / Е. В. Еремина // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5. С. 276–287.
4. Замятина, Н. Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 2012. – № 5. – С. 151–163.
5. Казакова, Г. М. Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс / Г. М. Казакова // Вестник МГУКИ. – 2008. – № 6. – С. 16–20.
6. Крылов, М. П. Региональная идентичность в Европейской России / М. П. Крылов. – М. : Новый хронограф, 2010. – 240 с.
7. Кулаков, С. В. Проблемы формирования региональной политической идентичности в современной России С. В. Кулаков // Pro nunc. Современные политические процессы. – 2015. – № 1 (14). – С. 141–151.
8. Кулаков, С. В. Развитие российского регионализма в контексте политической идентичности С. В. Кулаков // Pro nunc. Современные политические процессы. – 2017. – № 2 (18). – С. 43–54.
9. Лапин, Н. И. Новые проблемы исследований региональных сообществ / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – № 7. – С. 28–38.
10. Лубянов, А. В. Роль идентичности в формировании региональной общности / А. В. Лубянов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 1 (135). – С. 123–131.
11. Макарова, Г. И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования / Г. И. Макарова // Вестник КИГИ РАН. – 2017. – № 1 (29). – С. 84–94.
12. Малащенко, М. В. Понятие «региональная идентичность» в зарубежном научном дискурсе / М. В. Малащенко, С. А. Глушкова // Гуманитарий юга России. – 2017. – Т. 23, № 1. – С. 90–100.
13. Митрошенков, О. А. Управление идентичностями: возможности и пределы / О. А. Митрошенков // Свободная мысль. – 2011. – № 10. – С. 133–148.
14. Огорокова, М. П. Политическая идентичность молодежи в контексте российского федерализма (на материалах республики Саха (Якутия)) / М. П. Огорокова, Н. А. Григорьев // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 12 (65). – С. 26–30.
15. Смирнягин, Л. В. Региональная идентичность и география / Л. В. Смирнягин // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник

статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21–22 октября 2010 г. / редкол.: И. С. Семенов [и др.]– М., 2011. – С. 177–185.

16. Туровский, Р. Российский квазифедерализм: состояние и перспективы / Р. Туровский // К новой модели российского федерализма / под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. – М., 2013. – С. 118–142.

17. Тянь, В. В. Региональная идентификация как фактор эффективности управленческих решений власти в контексте федерализма / В. В. Тянь // Вестник ГУУ. – 2014. – № 21. – С. 318–325.

18. Федотова, Н. Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики / Н. Н. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 52–62.

19. Черникова, В. В. Региональная политическая идентичность: проекция Воронежской области / В. В. Черникова // Власть. – 2016. – № 3. – С. 101–105.

<http://edoc.bseu.by/>

*А.Э. Матосян, студент
moratushka@gmail.com
РУДН (Москва, Россия)*

КРИЗИС ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ США

Политико-административная система – это система, в которой происходит организация и осуществление самого политического управления, то есть процесс решения проблем социального значения. Можно сделать вывод, что политико-административная система включает связи, установленные на уровне исполнительных органов, судебной и законодательной ветвей власти, при этом обязательно опирается на выстраивание отношений с гражданским обществом. На эффективность политико-административной системы определенного государства влияет множество факторов, среди которых можно выделить специфику страны и региона в целом, научно-технологическое развитие, правовую систему и т.д [3, с.150–165]. Одним из самых важных факторов является эффективность взаимодействия власти с другими составными элементами политико-административной системы страны. В этом контексте интересным для изучения является кейс США, политико-административная система которых всегда была в центре внимания политиков и ученых [4, с. 15].

США – это президентская федеративная республика, состоящая из 50 штатов и столичного федерального округа Колумбия. Политическая система США построена в соответствии с принципом разделения властей, что является основой его системы «checks and balances» (система сдержек и противовесов) [1]. Что касается штатов, то каждый из них имеет свой свод законов, порядок распределения полномочий (исполнительных, законодательных и судебных) и широкую политическую и административную автономию, вытекающую из одного из фундаментальных принципов федерализма. В стране господствует бипартизм, представленный основными политическими силами – Демократической и Республиканской партиями [7]. Политическая система США